

Антонина Мартыненко. «Опыт Русской Анфологии» М. Яковлева в литературном контексте 1820-х годов	115
Алексей Балакин. Из разысканий о литературном окружении молодого Гончарова: поэт Яков Щеткин	130
Анастасия Басенко. Н. А. Полевой – водевилист	154
Ирина Шевцова. Герой Жорж Санд в формировании религиозного умонастроения А. А. Григорьева	163
Марсель Хамитов. Фельетонный извод античного жанра: рассказ Ф. М. Достоевского «Бобок»	169
Дарья Сапрыкина. Об одном упоминании «Лунной» сонаты Л. ван Бетховена в рассказе А. П. Платонова «Невозможное»	181
Владимир Емельянов. Вавилонская социалистическая революция (обисточниках пьесы А. Г. Глебова «Загмук»)	190
Виктория Буяновская. «Осмысленный абсурд» в стихотворении В. Ф. Ходасевича «Окна водвор»	207
Ани Петрс. Признаки фикциональности в литературной мистификации (на примере «Велесовой книги»)	221

Тираж 500 экз.

2016 XII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2016 (2)

**международная летняя школа
по русской литературе**

Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Веницкий (Филадельфия, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. О. А. Лекманов (Москва, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки, Финляндия)

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolssummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77 - 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2307-5945 = Letná škola

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

Информация об авторах

Антонина Мартыненко, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. antonina.martynenko1995@gmail.com

Алексей Балакин, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия. balakin@inbox.ru

Анастасия Басенко, аспирант Ивановского государственного университета, Иваново, Россия. anastasiabasenko@mail.ru

Ирина Шевцова, аспирант Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград, Россия. shevtsovai1991@mail.ru

Марсель Хамитов, студент национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. marselblabla@mail.ru

Дарья Сапрыкина, студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. dash.saprykina2010@yandex.ru

Владимир Емельянов, доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия. banshur69@gmail.com

Виктория Буяновская, студентка национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия. vbuyanovskaya@gmail.com

Ани Петрс, аспирант Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия. alexany@mail.ru

АЛЕКСЕЙ БАЛАКИН
(Санкт-Петербург)

ИЗ РАЗЫСКАНИЙ О ЛИТЕРАТУРНОМ ОКРУЖЕНИИ МОЛОДОГО ГОНЧАРОВА: ПОЭТ ЯКОВ ЩЕТКИН

В статье реконструируется биография забытого поэта 1830–1840-х годов Я. А. Щеткина, близкого знакомого семьи Майковых, который вместе с И. А. Гончаровым издавал рукописную сатирическую газету.

Ключевые слова: Щеткин, Гончаров, семья Майковых, русская поэзия XIX века.

The article reconstructs the biography of Ya. A. Shchetkin, a forgotten poet of the 1830-ies and 1840-ies and a close friend of the Maikov family, who published a handwritten satirical newspaper together with I. A. Goncharov.

Keywords: Shchetkin, Goncharov, the Maikov family, 19th century Russian poetry.

Если пытаться составить справочник «Гончаров и его окружение», то едва ли он получится очень объемным. Автор «Обломова» всегда вел замкнутый образ жизни, у него было мало друзей, а общества коллег-литераторов он старался избегать, особенно под конец жизни. Однако был период, когда круг его общения составляли в основном молодые, начинающие литераторы, журналисты, художники — когда во второй половине 1830-х — 1840-х годах Гончаров часто гостил в доме Майковых. Его посещали по большей части творческие люди. Некоторым из них будет суждено остаться в истории русской культуры; другие канут в неизвестность. Но в биографии Гончарова все они так или иначе оставили след.

Ниже речь пойдет об одном из таких людей, молодом поэте, с которым Гончаров общался на рубеже 1830–1840-х годов, стихи которого, несомненно, читал и вместе с которым издавал рукописную газету. Звали его Яков Александрович Щеткин.

1

Он появился на свет 20 декабря 1817 года в столице Российской Империи на Петербургской стороне.¹ Его отец, Александр Васильевич Щеткин, происходил из обер-офицерских детей и родился около 1784 года, по-видимому, в Ярославле. В возрасте тринадцати лет он поступил на службу в палату гражданского суда копиистом, в 1803 году получил чин коллежского регистратора, а в 1804 году переехал в Петербург, куда был переведен на службу в общее собрание Правительствующего сената. Затем судьба кидала его по разным министерствам и ведомствам. К моменту рождения своего первенца он служил в чине титулярного советника по Департаменту горных и соляных дел Министерства финансов.² Через два года у него родится еще один ребенок — сын Сергей.

21 июля 1829 года Александр Васильевич умирает «от приключившейся ему болезни» и оставляет обоих своих сыновей на руках у матери — Надежды Ивановны. По достижении нужного количества лет Надежда Ивановна определяет детей во Вторую петербургскую гимназию, которая находилась на углу Казанской улицы и Демидовского переулка. Эта гимназия была основана в 1805 году и поначалу называлась Санкт-Петербургская губернская гимназия, а с 1831 года стала именоваться Второй петербургской. Среди ее воспитанников были, в частности, П. А. Вяземский и П. Г. Ободовский.

Нам известно, что Сергей Щеткин был полупансионером этой гимназии с 1830 по 1834 годы и плату за обучение в размере 250 рублей в год (что в то время было значительной суммой) за него вносила мать.³ Имя Якова встречается в списке учившихся в той же гимназии, но в списке закончивших ее его нет.⁴ Тем не менее 16 июля 1836 года Щеткин

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 34. Ед. хр. 405. Л. 7.

² Там же. Л. 3 об. — 5.

³ ЦГИА (СПб). Ф. 174. Оп. 1. Ед. хр. 374. Л. 7. Не окончив гимназию, в 1835 году С. А. Щеткин поступил в Академию Художеств (причем, пансионером ведомства путей сообщения) и впоследствии стал архитектором, проживая в Рязани; см: РГИА. Ф. 200. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 2216 (дело о зачислении в Академию Художеств, 1835 год); РГИА. Ф. 1293. Оп. 76. Ед. хр. 277 (дело о службе, 1869 год).

⁴ См.: *Круглый А. О., Курганович А. В.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. СПб., 1894. Ч. 2 (1831–1880 г.). С. 429, 393.

подает прошения о зачислении его в Петербургский университет.¹ К экзамену он был допущен, выдержал его и в том же году был зачислен на Юридический факультет студентом.

По отзыву современника, в то время «юридический факультет давал не только специальную подготовку в области права, но и более широкое общее образование: на нем читались лекции истории всеобщей и русской, а также словесности; из главных факультетских предметов обширный курс энциклопедии права, читаемый П. Д. Калмыковым, вводил вообще знакомство с философией, а лекции даровитого В. С. Порошина по политической экономии не только излагали теорию этой науки, но и представляли историю развития разных экономических систем».² Словесность на факультете читал А. В. Никитенко, которому студенты были обязаны представлять свои литературные сочинения для публичного чтения и разбора.³

Несомненно, такая атмосфера благоприятствовала развитию в студентах творческого начала, будоражила их мысль, способствовала скорейшему самоосознанию и самораскрытию. И неудивительно, что именно в те годы на факультете учились люди, которым в недалеком будущем предстояло стать гордостью русской литературы. Сокурсниками Щеткина в разное время были А. Н. Майков, С. С. Дудышкин (поступили на факультет в 1837 году), В. Н. Майков (поступил в 1838 году), чуть позднее на факультет пришли М. В. Буташевич-Петрашевский, Г. П. Данилевский и А. Н. Плещеев. По-видимому, именно благодаря знакомству, а затем и дружбе с Майковыми в Щеткине раскрываются заложенные в нем задатки стихотворца.

В 1839 году состоялся литературный дебют Щеткина: «Библиотека для чтения» печатает его стихотворение «Чара».⁴ Вероятно, это произошло при содействии В. Андр. Солони-

¹ ЦГИА (СПб). Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 6286. Л. 308.

² [Майков Л. Н.] Валериан Николаевич Майков: Материалы для его биографии и литературной характеристики // Пантеон литературы. 1890. № 11–12. С. XIV–XV.

³ См. письмо А. Н. Майкова сыновьям Владимиру и Аполлону от 8 февраля 1888 года, частично приведенное Л. С. Гейро в комментариях к кн.: Майков А. Н. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 488–489.

⁴ Библиотека для чтения. 1839. Т. 34. № 5. Отд. I. С. 13–14.

цына, принимавшего участие в редактировании журнала. И сразу успех: стихотворение было замечено и высоко оценено университетским преподавателем Щеткина Никитенко; впрочем, он мог знать это стихотворение еще до публикации. Воспоминания современника сохранили для нас этот эпизод: «Руководствуясь, вероятно, желанием поощрять молодые таланты, добрейший профессор <Никитенко. — А. Б.> предсказывал некоторым из моих товарищей блистательную будущность на литературном поприще. Так, восхищаясь стихотворением „Кубок“, он ставил его автора, студента *Щеткина*, чуть ли не на одну степень с первостепенными поэтами».¹

В том же году в доме Майковых появляется на свет рукописный альманах «Лунные ночи. Собрание сочинений в стихах и прозе»,² где помещено сразу пять стихотворений Щеткина (четыре из них будут вскоре напечатаны). Этот альманах явился своеобразным продолжением также рукописного журнала «Подснежник», который выпускался Майковыми ранее.³ Тогда же Щеткин попадает и на страницы «Сына отечества»: в девятом томе журнала публикуется его стихотворение «Орел», уже увидевшее свет в «Лунных ночах»:

Роскошная высь голубым полушаром
Окинула землю, как брачной фатой,
И красное солнце огнистым пожаром
Зажглося в той выси над мирной землей.
Могучим полетом, к небесному своду,
Орел молодой веселясь полетел,
Раскинул крылами, как вихрь в непогоду,
Рванулся к пределу.... и где же предел?
Как облако дымное на небе бурном,
Он смело, он буйно на волю летит,

¹ А. Ч. [Чумиков А. А.] Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. № 9. С. 131. То, что в этом фрагменте идет речь именно о стихотворении «Чара», для нас сомнению не подлежит: мемуариста в данном случае вполне могла подвести память, так как в вышеупомянутом стихотворении Щеткина речь идет именно о *кубке*, сделанном из черепа князя Святослава.

² Ныне альманах хранится в ИРЛИ (№ 16496).

³ О рукописных изданиях дома Майковых, их датировке, круге авторов и пр. см. прим. А. Г. Гродецкой в кн.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1. С. 612–620.

Он встретился с солнцем под сводом лазурным
И оком бесстрашным на солнце глядит.

<...>

Вот гений России! Могучий воитель,
Бесстрашный в дни страха, гроза исполин,
Громов всех разящих и молнии держитель,
Державный и моря и гор властелин!
В чертогах безгранных повитый снегами,
Он весел, как солнце в лазурной выси,
Торжественно черными плещет крылами
И мечет свой образ на знамя Руси.
И грозен тот образ вражде ядовитой,
И светел тот образ для верных сынов...
О! как он прекрасен, короной покрытый —
Когда пред полками летит на врагов!¹

Об этом стихотворении обозреватель «Журнала Министерства народного просвещения» Ф. Н. Менцов писал, что оно полно «патриотических мыслей и чувств» и «обнаруживает в своем молодом авторе дарование и в то же время подражание стилю г. Бенедиктова».²

20 января 1840 года «Литературная газета» поместила следующее объявление: «17 января вышла первая книжка „Маяка современного просвещения и образованности“, издаваемого книгопродавцем Поляковым, под редакцию П. А. Корсакова и С. О. Бурачка. В ней помещены сочинения гг. Бурачка, Корсакова, Кукольника, Новомлинского, Озерова, (В. А.) Остроградского, Щеткина и др. Вторая часть „Маяка“ выйдет в этом же месяце».³ Первый же номер «Маяка» открывался одноименным стихотворением Щеткина, которое, повествуя о спасении светом маяка гибнущего в бурю корабля, было своего рода стихотворным напутствием, аллегорической программой начавшегося издания:

Миг!....

.....и в бархате тумана

Искра чудная зажглась,

¹ Сын отечества. 1839. Т. 9. № 5. Отд. I. С. 5–6.

² Журнал Министерства народного просвещения. 1839. Ч. 23. Отд. VI. С. 285, 286.

³ Литературная газета. 1840. № 6. 20 янв. Стлб. 140.

И сквозь бурю океана
До скитальца донеслась.
Будто око сострадания,
Будто милости зерно,
Озарилось сияньем
На утесное окно.
Это гений благодати!
С духом зла он в спор вступил;
Вот в бунтующие рати
Он стрелу свою пустил.
Он горит, не угасает;
Вихря хищного напор
Тщетно ключья тьмы кидает
На его огнистый взор.
Нет; он светел дивным светом,
Этот пламенник ночей,
Он блестит святым приветом
Для страдальцев кораблей.
Море воет под скалою,
Вот рванулось на него;....
Устоял!... и вместо бою
Бросил огненной тропею
Искры взора своего.
И надеждой, и спасеньем
Души трепетных пловцов
Над гремячим треволненьем
Оперились жизнью вновь.
И корабль в пылу набега
Снова грудью волны бьет,
Пена их, белее снега,
Бороздой за ним идет.
Пусть бурлит пучина злая;
Спорный вал он раздробил,
И маяк благословляя,
Тяжкий якорь уронил.¹

Разумеется, выход первого номера нового журнала привлек внимание критики. «Вот книга, в полном смысле дельная, основательная и занимательная, которая должна иметь место во всех библиотеках, — радовалась „Северная пчела“. —

¹ Маяк. 1840. Ч. 1. Гл. II. С. 1–2.

В этой книге и ученый, и литератор, и любитель легкого чтения, и человек любознательный найдут для себя обильную пищу». Далее, сказав о пользе такого рода изданий и разобрав другие материалы, автор рецензии Ф. В. Булгарин приступает к обзору словесности. «Мы не станем разбирать каждого стихотворения порознь, — пишет он, — но скажем вообще: стихов дурных здесь нет, а есть много хорошего». Скопом похвалив участвующих в номере стихотворцев, рецензент завершает свой разбор следующей фразой: «Стихотворения г. Щеткина также заключают в себе много хорошего».¹

Одновременно Щеткин публикуется также на страницах «Одесского альманаха на 1840 год» (Одесса, 1839), изданного в пользу бедных учеников одесского учебного округа.² «В Одессе вышел „Одесский альманах“ на 1840 год, — констатировала 10 января „Литературная газета“. — Здесь он еще не получен. И на этот год он украшен трудами многих известных литераторов».³ Среди этих «трудов» скромно поместилось стихотворение «Гранитные братья» — про статуи сфинксов на берегу Невы, также взятое из майковского альманаха. Одесский же альманах достиг Петербурга, вероятно, лишь в феврале, потому что рецензии на него появились только в мартовской прессе. И рецензии эти были в целом положительны. «...Его содержание богато и ценно, — уверял в „Отечественных записках“ В. Г. Белинский. — Взглянем на него. <...> Стихотворная часть „Одесского альманаха“ особенно богата и разнообразна... <...> В первом ряду много хорошего, но мало превосходного или хоть чего-нибудь резкого, выда-

¹ Редакция *Северной пчелы* [Булгарин Ф. В.] Русская литература. 26. Маяк современного просвещения и образованности. <...> Часть первая и вторая <...>. С. Петербург, <...> 1840 года // *Северная пчела*. 1840. № 46. 28 фев. С. 183. Атрибутировано на основании того, что в статье о второй части «Маяка», подписанной «Ф. Б.», есть следующие строки: «С удовольствием повторим все, что сказано было нами при появлении первой части Маяка, о пользе сего издания» (Там же. № 89. 23 апр. С. 354).

² См.: *Северная пчела*. 1840. № 4. 5 янв. С. 13. Альманах издавался при ближайшем участии Н. И. Надеждина.

³ [Б. п.] *Петербургская хроника* // *Литературная газета*. 1840. № 3. 10 янв. Стлб. 69.

ющегося. <...> Второй ряд очень интересен... <...> ...Во втором ряду стихотворений „Одесского альманаха“ особенно замечательны стишки гг. Степанова, Щеткина, Раича и Струйского».¹

1840-й год — период наивысшей активности Щеткина-поэта. В этом году он публикует десять стихотворений в «Маяке»² и одно — «К древнему мечу» — в «Сыне отечества».³ Кроме того, в «Маяке» печатается его перевод с немецкого — повесть «Ножка царевны Гермонтиды» (автор оригинала не указан). Молодой поэт пришелся ко двору в новом журнале, предлагая стихотворения на темы благонамеренные и вполне патриотические. Однако в следующем году сотрудничество Щеткина с «Маяком» неожиданно прерывается, на долгое время он замолкает вообще. Только в ноябрьской книжке «Библиотеки для чтения» печатается большое стихотворение «Торжество раскаяния».⁴ А еще через три месяца в том же журнале появляется последняя известная нам публикация Щеткина — стихотворение «Видение», с пометой: «Отрывок из поэмы „Великий Князь Владимир“».⁵

Все эти годы Щеткин часто посещает дом Майковых, а 13 августа 1842 года, после дополнительного экзамена, заканчивает Юридический факультет со званием действительного студента, имея в аттестате три «двойки», десять «троек», девять «четверок» и одну «пятерку» — по поведению.⁶ Впрочем, и та была оспорена ректором университета П. А. Плетневым, собственноручно вписавшим в аттестат Щеткина между слов «...при отличном поведении...» слово «хорошем».⁷

2

19 августа 1842 года Аполлон Майков, получивший от Николая I пособие для путешествия за границу, и его отец

¹ *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3. С. 376–378.

² См.: Указатель статей, помещенных в «Маяке», и фамилии гг. сотрудников за пять лет. СПб., 1844.

³ *Сын отечества.* 1840. Т. 2. Кн. 3. С. 460–462.

⁴ *Библиотека для чтения.* 1841. Т. 49. № 11. Отд. I. С. 6–10.

⁵ Там же. 1842. Т. 50. № 2. Отд. I. С. 131–133.

⁶ ЦГИА (СПб). Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 6286. Л. 20. См. также: *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. LXXX.

⁷ Там же. Л. 309 об. Аттестат датирован 15 сентября 1842 года.

покидают Петербург, отправляясь в долгое путешествие.¹ И сразу же между ними и оставшимися в России родными и друзьями завязывается оживленная переписка. Именно благодаря ей мы можем живо представить жизнь майковского дома в 1842–1843 годах, а также получить сведения о характере, манере поведения и даже внешности нашего героя.

Первое же письмо к мужу и сыну Евгения Петровна Майкова написала уже почти сразу после их отъезда, 22 августа. Из него выясняется, что Щеткин также присутствовал при проводах: «...проводивши вас, мы прибыли благополучно домой около семи часов; вам известно, что на нашем пароходе не давали кушать и если б экипаж стал на мель, то мы бы умерли с голоду или прибегнули бы к страшному средству самоедов, что бы тогда сделал Яша, неужели бы предложил свои услуги, как он обыкновенно это делает?»² «...С вашего отъезда водворилась у нас в доме игра в откуп (игра в карты), — пишет Евгения Петровна им же 15 сентября. — Юния, Солоницыны, Щеткин, Кобылятский, брат Костя, всякий вечер приходят и мы играем в деньги, я уже проиграла им рублей десять...»³ Но уже в следующем письме говорится о том, что

¹ Дата указана в путевом дневнике А. Н. Майкова (см.: *Майков А. Н. Путевой дневник 1842–1843 гг. Итальянская проза / Сост., подг. текстов, статьи и комм. О. В. Седельниковой.* СПб., 2013. С. 5). В книге М. Л. Златковского «Аполлон Николаевич Майков. 1821–1897: Биограф. очерк» (2-е изд., значит. доп. СПб., 1898. С. 21) приводится ошибочная дата отъезда Майковых — 29 июня; эта дата повторяется в большинстве последующих работ о Майкове.

² ИРЛИ. № 17374. Л. 1 об.

³ Там же. Л. 5 об. Для удобства приведем здесь встречающиеся в письмах сокращения имен и домашние прозвища семьи Майковых и людей из их ближайшего окружения: Юния, Ю. Д. — Юния Дмитриевна Гусятникова (в замужестве Ефремова), племянница Е. П. Майковой; дядя Костя, брат Костя, принц Марс — Константин Аполлонович Майков, брат Н. А. Майкова, офицер лейб-гвардии Измайловского полка; Апка — Аполлон Николаевич Майков; Валериан, Варька — Валериан Николаевич Майков; Старик — Владимир Николаевич Майков; Бурька — Леонид Николаевич Майков; Е. П., королева Трузсонская — Евгения Петровна Майкова; Хрюша, Хрюшечка, Солик — Владимир Аполлонович Солоницын; Вл. А. — Владимир Андреевич Солоницын; И. А., Ив. Ал. — Иван Александрович Гончаров; Мишка — Михаил Парфенович Заблоцкий-Десятовский; Кобылятский — Иван Алексеевич Кобыляцкий, сокурсник Вал. Н. Майкова; принцесса Жемчужина — Елизавета Васильевна Толстая, впоследствии возлюбленная Гончарова и адресат его писем; королева Барбара — ее мать, Варвара Александровна Толстая.

юные литераторы нашли себе подобающее занятие: «Валерьян со Щеткиным задумали издавать журнал (для нашего круга, разумеется) в роде *Guêppes Kappa*,¹ выдумка замысловатая и очень забавная, они сами пояснят в чем дело, и надеются, что ты пришьлешь что-нибудь для украшения журнала».²

В начале октября к А. Н. и Н. А. Майковым отправляется большое коллективное письмо: его по очереди пишут Вл. Н. Майков, К. А. Майков, И. А. Гончаров, Я. А. Щеткин и Ю. Д. Гусятникова.³ Эпистолярный стиль нашего героя весьма замысловат; приведем наиболее характерный фрагмент из его послания: «...Прошло полтора месяца с тех пор, как пароход „Ольга“ увез нас от Гаврского парохода, на котором мы выпили с вами по последнему стакану, разменялись последними поцелуями, уронили прощальные слезы, которые, однако, не были последними — я плакал, стоя у борта нашего возвращавшегося в Петербург опустелого парохода, плакал, посвящая воспоминанию о вас горячие страницы дневника моего, и потом с удовольствием смотрел на слезы Чел<аевой>, <И нрзб.>, Позд<еевой>, когда они слушали мои рассказы о нашем прощаньи. Я радовался за тебя по поводу всех этих слез, потому что они были неложным свидетельством всеобщей к тебе привязанности; все мы чувствовали лишение тебя как любезного члена нашего общества. *Но время разлуки минует, мы снова увидим друг друга*,⁴ а из

¹ «Les Guêpes» («Осы») — французский ежемесячный сатирический журнал, издаваемый с 1839 до 1849 года журналистом и писателем Жаном Батистом Альфонсом Карром (1808–1890). Этот журнал был широко известен в России, в частности, он послужил образцом Ф. В. Булгарину для создания книги фельетонов «Комары» (СПб., 1842).

² ИРЛИ. № 17374. Л. 42 об.

³ В авторитетной «Летописи жизни и творчества И. А. Гончарова» А. Д. Алексеева (М.; Л., 1960. С. 23) это письмо датировано концом августа 1843 года, что является ошибочным хотя бы потому, что в это время Щеткин уже покинул Петербург. Публикуя гончаровский фрагмент из этого письма, С. В. Друговойко исправила год, но не уточнила месяц (см.: Литературное наследство. М., 2000. Т. 102. С. 341). Прямое указание на время написания письма содержится в его тексте: оно написано через полтора месяца после отъезда А. Н. и Н. А. Майковых.

⁴ Измененная цитата из стихотворения Н. В. Кукольника «Английский романс» («Сомнение»; 1838): «Минует печальное время, / Мы снова обнимем друг друга».

обильного дождя слез наших возникнет в твоём воспоминании радуга, которая не смывается забвением; тебе отрадно будет обращаться к этой поре твоей жизни как к поре любви, потому что для человека с чувством любить и быть любимым это наслаждение, кажется, равносильное. — Извини меня, что я обратился к времени давно прошедшему, но по странному стечению обстоятельств Е.<вгения> П.<етровна> послала к вам письма с таким секретом, что мне не удавалось до сих пор сказать тебе, что хотелось, со времени нашей разлуки».¹ Далее Щеткин сообщает, что они собираются «вести хронику всех замечательных событий» в доме Майковых.

Газета эта до нас не дошла; сохранилось лишь несколько фрагментов, посланных в письмах к А. Н. и Н. А. Майковым, которые позволяют судить о ее характере и о том, какими могли быть утраченные миниатюры Гончарова, предназначенные для нее. Заклучая недатированное коллективное письмо, Вал. Н. Майков и К. А. Майков приводят образцы своих статей:²

Любезные друзья, Так как мне нечего сообщать вам серьезно о себе любопытного, то я займу вас лучше выписками из издаваемой Яшею газеты. —

Признания. 4 числа у королевы Трузсонской был обеденный стол, украшенный присутствием королевы Барбары и августейших дочерей ее. Во время обеда возник спор между принцессою Жемчужиною (Лиза), принцем Сардонапалом (Гончаров) и принцем Валерием о прелестях принцессы Лилии. Достоверно известно, что принц Трузсонский, отступив, по причине значительного аппетита, от правил строгий политики, относился о знаменитой Флоридской принцессе неблагонамеренно. Весть об этом происшествии, гибельном для всей Трузсонии, не замедлила достигнуть до тонкого слуха принцесс Флоридских. Дальновидный

¹ Цит. по: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 15. С. 45. В ответном письме от 6 ноября (24 октября) А. Н. Майков так отреагировал на это послание Щеткина: «Добродетельной Юние Дмитриевне самый пламенный поцелуй за ее дружеские строки; а ее попрошу, в знак моей благодарности Якову Александровичу за пигмейские письма, позволить ему поцеловать ее мизинчик; а также запретить писать так мелко, ибо чтобы прочесть его писулю, д.<олжно> б.<ыло> прибегать к увеличительному стеклу» (ИРЛИ. № 16994. Л. 10).

² ИРЛИ. № 17370. Л. 14–15 (вероятно, письмо написано в ноябре или декабре 1842 года).

Барон Острова Непостоянства, немедленно по получении им депешей от тайных агентов его при дворе королевы Новой Флориды (Институт), поспешил в Жемчужное Королевство, где в присутствии королевы Барбары заключил с принцессою Жемчужиною трактат следующего содержания:

«Во имя Светлой и Нераздельной Троицы, мы, принцесса Жемчужного Царства, Жемчужина, дочь Барбары, и Валерий, принц и вассал-?> Трузсонии, владетельный Барон Острова Непостоянства, заключили между собою следующий свободный, ненарушимый, из трех пунктов состоящий трактат:

(Самого трактата не буду писать; это заняло бы много места: сущность же его заключается в том, что Лиза не должна говорить Челаевой то-?>, что я об ней говорил, и наоборот).

«К несчастью Высоких договор-ившихся?> сторон, трактат, положенный на хранение в рабочий ящик принцессы, похищен придворным псом ее Высочества и перехвачен недоброжелателями.

Новая Флорида. Литературные произведения Наследного принца Трузсонского Аполлона продолжают иметь большой успех у принцесс Новой Флориды. Некоторые принцы Архипелага недавно застали Принцессу Маргариту, погруженную в чтение одного из его стихотворений, которое его Высочество давно уже изволила выучить наизусть. Не хочет ли прекрасная принцесса доказать тем свое постоянство и отнять от находящихся налицо искателей всякую надежду на благосклонность с ее стороны? — »

Это известие написано мною и помещено без подписи в 1^м №; а во втором я написал об этом, с подписью имени следующее: «Выходка против союзницы моей, знаменитой в летописях Союза, Флоридской Принцессы Маргариты, зла и достойна порицания. Непостоянство есть добродетель мужчины, который должен двигать и идти вперед. Напротив того, постоянный вкус в девушке обещает в будущем попечительный<sic!> мать и добродетельную супругу. — »

Вот образец слога принца Марса.

Остр<ов> Марса. Второго числа от высокого имени принца Марса был отдан войскам приказ быть им в совершенной готовности и по первому призыву двинуться к границе. Вследствие этого приказа военная администрация на операционной линии выставила военные запасы на несметное число дружин, а также и продовольствие, состоящее из бобов и гороху. Но какая же причина побудила к принятию этих мер? Недаром писали в одной из московских

газет, что жители города Чепухи видели на небе огненное явление в виде Царь-Пушки, беспрестанно стрелявшей в воздух и направлявшей свои выстрелы к нам на Авер. Наш корреспондент, находящийся при дворе принца Марса, сообщает нам, что эти приготовления делаются будто вследствие известия, полученного принцем из Трузсонии по телеграфу. Это известие состояло в следующем: Принцессы Флоридские, Далия и Маргарита, послали к наследному принцу Аполлону, находящемуся за границей для преуспения в изящном, две большие ноты, которых содержание и цель составляют предмет многочисленных предположений. Принц Марс поспешил по этому случаю в Трузсонию, в намерении разузнать дело подробно; но осторожная политика принца Валерия не позволила проникнуть в тайны их содержания, точно так же и сама королева Трузсонская, через руки которой отправлялись депеши, хранила их в глубокой тайне до самого отправления с эстафетою. Есть слухи, что эти сношения, скрываемые от всех держав, имеют целью расторжение двух домов Флоридск<их> и Трузсонск<их>. Говорят, что в этих двух посланных нотах заключаются упреки и выражения негодования и ненависти, к которым подал повод сам принц Аполлон, прислав некоторым из принцев союза известие на скверном латинском диалекте о своей новой любви к одной из французск<их> принцесс, которая обещала ему доселе неслыханные у нас удовольствия. Такое положение дел в союзе любви и дружбы чрезвычайно запутанно. Не один принц Марс вступится за правое дело, и прочие князья Архипелага поднимут свои знамена на отмщение оскорбленной чести Новой Флориды. Должно ожидать войны кровопролитной.

Сию минуту мы получили известие, опровергающее все догадки недалевидных фелльетонистов: принцессы двора Флоридского послали к наследному принцу Аполлону ноты, наполненные выражениями любви, преданности и сожаления о его отсутствии. «Ха, ха, ха! — сказал Марс, прочитав это известие, — как смешны эти господа с своими известиями», — и отдал приказ двинуться своим войскам к границам, для того только, чтобы помочь бабам выхолотить поля, засеянные бобами и горохом.

В другом письме К. А. Майков приводил образцы других своих миниатюр, не отличающихся благопристойностью, и так их комментировал: «Мы издаем газету Сплетню, в которой я ревностный сотрудник. Перо мое отличается множественством резких дергунов, при чтении которых Яша удаляется, а остальные закрывают рты платками. <...> Я решил-

ся действовать на любовь пепиньерок¹ системой дергунов, и опыт доказывает, что они удачнее Яшкиных комплиментов. <...> Журнал наш весьма забавен, и Щеткин издает его великолепно».²

В письме мужу и сыну от 24 октября Е. П. Майкова опять упоминает о газете, сообщая, что Валериан «много переводит для Заблотского, а с Щеткиным и дядей Костей пишут для нашей домашней газеты, это очень выходит остроумно и забавно».³ В том же письме есть приписка Вл. Майкова, из которой видно, с какой серьезностью и ответственностью было поставлено у Майковых «газетное дело»: «В два дня у нас уже стала зима; снег такой большой, что вчера, возвращаясь из Труссонского королевства (так в газете называется маменькина квартира), Иван Александр.<рович> и Хрюшечка насилу дошли до своих королевств, несмотря на то, что Хрюшечка тщательно работал ножками. Варька, в достоинстве цензора газеты, отправился теперь к Яшке; первое чтение будет происходить в королевстве Труссонии; Королева приказала тотчас после царского обеденного стола начать заседание. Вот вам имена всех островов. 1., Корол. <евство> Труссония, 2., Корол.<евство> Новой Флориды (Инстит.<ут>), 3. Вольный город Урания (Юния). 4 Остр.<ров> Труда (Влад.<имир> Андр.<еевич> Солоницын), 5 Остр.<ов> Непрерывного Движения

¹ Пепиньерки — институтки, оканчивающие педагогические классы. Здесь имеются в виду воспитанницы Екатерининского института, располагавшегося на Фонтанке, рядом с Невским проспектом. В этом институте служила инспектрисой Наталия Александровна Майкова (дочь поэта и журналиста А. Е. Измайлова), вдова одного из братьев Николая Аполлоновича (см.: *Ляцкий Е. А.* Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. Прага, 1925. С. 114). Майковы и близкие к ним люди кружка часто ходили в гости в Институт; шутивное описание этих посещений и самого Института содержится в юмористических очерках Гончарова «Хорошо или дурно жить на свете» и «Пепиньерка» (см.: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 507–531).

² ИРЛИ. № 17374. Л. 45–45 об. Послание К. А. Майкова является припиской к недатированному письму Е. П. Майковой, в котором та, в частности, писала: «От скуки, наши придумали издавать газету, и Яша обещал прислать тебе образец его трудов, надо сознаться, что Яша за что возьмется, сделает хорошо» (Там же. Л. 44 об.).

³ ИРЛИ. № 17374. Л. 8.

(Солик), 6 Остр.<ов> Марса (Дядя Констант.<ин>) 7 Ост.<ров> Покоя (Ив.<ан> Ал.<ександрович>), 8. Остр.<ов> Непостоянства (Валерка). <9> Остр.<ов> Complimentов (Як.<ов> Ал.<ександрович>). Вообще газета приводит в деятельность всех».¹

Щеткин, судя по всему, был принят Майковыми как член семьи. Об этом свидетельствует, в частности, одно из писем Е. П. Майковой от 21 ноября: «В последнее воскресенье мы с Юнией, с Валерьяном, Бу<рь>кой и Щеткиным ездили в Сергиевскую пустынь к обедни, молились за вас, и славно прокатились в пошевнях, à la gusse...».² Вряд ли на такую поездку был бы допущен посторонний человек.

Из переписки Майковых мы можем также судить и о внешности Щеткина. Вот фрагмент из недатированного письма А. Н. Майкова из Парижа своим друзьям: «Яшенька! помнишь ли ты, что я, смотря на твои продолговатые ноги, малое туловище и прочие излишества и недостаточности твоей особы, называл тебя агрегатом человеческих членов, а не живым организмом; ты тогда сердился, но теперь должен утешиться, ибо подобных агрегатических существ я встречал и в Дании, и во Франции, и очень им благодарен, ибо они мне напомнили, или даже в лицах представили тебя, а вспомнить о тебе и видеть твое подобие — вдвойне приятно для человека тебя любящего».³ В одном из писем к мужу, также недатированном, Е. П. Майкова называет Щеткина «златокудрым».⁴

О характере Щеткина и об отношениях его со своими приятелями повествует нам письмо Вл. Ап. Солоницына А. Н. Майкову (без даты, судя по содержанию — осень 1842 года): «Часто хожу к вашим и если встречаю Мишку, то предаюсь самым страшным спорам или, лучше, одному длинному-предлинному спору, который мы уже давно начали с ним по поводу некоторой мысли „Отечественных записок“ об односторонности человека наших времен. Потом Яша

¹ Там же. Л. 8 об.

² Там же. Л. 12.

³ ИРЛИ. № 16994. Л. 33 об.

⁴ ИРЛИ. № 17374. Л. 20 об.

важно садится на кресла и начинает читать нам с Валерушкой урок о светских приличиях, о том, в какое время и куда надо надеть фрак, когда сюртук и прочая. Валерка сердится и молчит, я ругаю Яшку, и спор кончается тем, что на другой же день учитель наш сделает какую-нибудь непристойность, какой и мы бы не сделали. „Что, Яшенька, что мой красавчик, мой длинненький“, говорю я ему, он бесится, называет нас мальчишками, детьми, и так проходит время в сообществе с Яшей, приятно и полезно».¹

3

Вскоре в жизни Щеткина происходит событие, которое определило всю его дальнейшую судьбу. О нем говорит Е. П. Майкова в письме к мужу от 19 декабря 1842 года: «6 декабря у меня были гости, пили шампанское за твое здоровье, читали газету преинтересную. Ив.<ан> Алек.<сандрович> и Яша чудо какие статьи пишут и много смешат нас. Эти господа так все меня и Варьку любят, [что] и тешат как нельзя более. Щеткин служит у Киселева, при комиссии составления кадастра...»² Незадолго до этого вечера, 2 декабря, Щеткин поступил на службу в Министерство государственных имуществ в Комиссию для устройства оброчной подати в чине губернского секретаря.³

Министерство государственных имуществ в 1842 году было еще совсем молодым. Оно было основано по инициативе графа П. Д. Киселева по закону от 26 декабря 1837 года «для управления государственными имуществами, для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведывания сельским хозяйством».⁴ «Действие министерства государственных имуществ открылось 1 января 1838 г.

¹ ИРЛИ. № 17370. Л. 11.

² ИРЛИ. № 17374. Л. 10. Часть этого письма процитирована: Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.: JL, 1960. С. 22.

³ Формулярный список о службе исправляющего должность младшего члена Московской Комиссии уравнивания денежных сборов с Государственных крестьян титулярного советника Щеткина. Составлен августа <пропущено> дня 1850 // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Ед. хр. 1452 (1850 г.). Л. 79–84. Далее служебные перемещения Щеткина приводятся по этому источнику.

⁴ Цит. по: Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 110–111.

в составе совета, трех департаментов, канцелярии и ученого комитета. <...> *Ученый комитет* учрежден был при 3-м департаменте для рассмотрения всех тех дел, которые, заключаая в себе новые предположения по государственным имуществам и сельскому хозяйству, требовали сведений специальных и соображений ученых. Ученый комитет состоял из штатных членов под председательством директора третьего департамента и, по роду своих занятий, разделялся на три отделения: 1) сельского хозяйства; 2) лесное и 3) кадастра».¹ Составлению кадастра придавалось тогда очень важное значение, потому что без него было невозможно эффективно осуществлять деятельность нового министерства. «Всем вообще государственным имуществам должен быть составлен кадастр, то есть измерение, описание и оценка угодий»,² — эта задача стояла перед Министерством государственных имуществ в первую очередь. Именно эту задачу и осуществлял молодой поэт.

Мы остановились на деятельности Министерства государственных имуществ затем, чтобы обрисовать обстановку, в которой оказался Щеткин, поступив на службу. Министерство было молодым, перед ним стояли ответственные задачи, и разумеется, что служба в нём, особенно на такой должности, отнимала много сил у юного чиновника. И, видимо, вскоре после начала службы, предчувствуя скорое расставание с Майковыми, он отправляет своему другу Аполлону полное отчаяния письмо, которое выпишем целиком:

Редкое письмо мне было так приятно, любезный Аполлон, как то, которое мне вручила от тебя Евгения Петровна. Под разнообразные рулады самовара, стоявшего в то время в комнате королевы Трузсонской, твоей родительницы, под странное мурчание М. Заблоц<кого>, ныне значительно обросшего мохом и пахнущего плесенью, я читал твои строки. Не знаю, сердился ли я на тебя, подобно Солику, что ты не отвечал мне ни строкой на посылаемые к тебе мною, но я понимал вполне, как было бы тяжело

¹ Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837–1887. СПб., 1888. Ч. 1. С. 34, 35.

² Там же. С. 29.

тебе эпистолировать более дюжины друзей коротких с твоим семейством а след. и с тобою, или выписывать как поминанье наши имена одно за другим, что было бы довольно смешно, потому я с смирением надеялся, когда придет моя очередь, и покраснел от удовольствия, когда пришла она. — Общий всем нам конек есть самолюбие, но этот конек является иногда самым бешеным, рьяным конем и особенно тогда, когда наше пылкое внимание к кому-либо остается не оцененным, незамеченным. Кроме этого нестерпимого самолюбия в душу нашу вкрадывается печаль о неудаче своего чувства, своей привязанности, и грустное предположение о скромности своих достоинств и, если следствием всего этого бывает не охлаждение, то непременно недоверчивость. Вот почему у меня при мысли о моей, может быть, скорой разлуке с вашим семейством невольно шевелится мысль, что все вы забудете обо мне очень скоро, как о собачке, над которою забавлялись, любили звать к себе в комнаты, смеяться ее фарсам, островам, комплимен-там, а между тем эта собачка не свыкнется уже с другими людьми, с другим двором; ей будет хотеться возвратиться к прежним господам своим, и цепь, которую захочет порвать она, будет слишком крепка для нее, а мысль, что о ней забыли — тяжелее цепи.

Блаженствуй, Аполлон, в своей благословенной Италии в пыли развалин, на которых накинута яхонтовый полог неба; ты там свободен во всем широком значении этого слова: там от тебя не отходит очаровательная любовница — природа, а с нею и неперменные спутники ее: восторг, мысль и искусство. Счастья нет в настоящем, но когда твое настоящее станет для тебя прошедшим — каждая минута нынешнего твоего быта прикатится в твою память золотым перлом и устыдит твои тяжелые минуты, если они неизбежны в твоём будущем. Прости меня за мольный тон, до которого ты не охотник, но я к нему настроен в эту минуту потому, что чувствую всю тягость рабства, на которое обрек себя, вступив на службу: вчера я просидел целую ночь напролет за сухими вычислениями моего кадастра и сегодня по его же милости отобедал теперь в 8 часов вечера. Я никогда не дорожил жизнью, но увидев ее во всей красоте ее, узнав что для поддержания ее нужно продать за ничтожную плату, мысль, свободу, чувство, все чем я бывал оживлен прежде, продать все это для того чтобы выручить на хлеб, себе каких-нибудь 1500 р. о! это невыносимо. Такую жизнь я бы продал как негодную тряпку первому ветошнику. И я плачу о днях, которые молнией летят мимо меня, так что я не постигаю часто, каким образом наступил вечер, когда кажется не более получаса

тому назад утро сыпало своим золотом, и в эту минуту воображение как назло начинает дразнить меня, выводит передо мною образы, нашептывает мне стихи, сулит богатые рифмы. Прочь! мне нужно злата, злата, злата¹ и, отмахнув его рукою, я снова наполняю свою голову цифрами, словно крупную дресвою, которые пересыпается как в калейдоскопе, но — бесцветные, холодные, жесткие они колотятся о мозг мой, сушат ум, давят мысли, каменяют все человеческое во мне и делают меня машиною, которая едва имеет столько смыслу, чтобы окончить это скучное для тебя, Аполлон, письмо и попросить, чтобы ты обнял за меня Ник. Аполлон., о котором у меня с Бурькой был спор и едва не драка за то, кто лучше помнит папку: я или Бурька. Прощай! Целую тебя. Я. Щеткин.²

Но беззаботному Майкову в солнечной Италии было трудно проникнуться подобными настроениями; что он отвечал Щеткину, и отвечал ли — нам неизвестно, но в также недатированном письме к близким Майков прокомментировал жалобы своего прежнего товарища весьма сухо, по-философски: «Плач Яшиньки на развалинах студенческой свободы так близок душе каждого из его товарищей, что должен быть всем понятен; впрочем эти всеобщие lamentации молодого поколения на старый порядок вещей имеет значение более глубокое, нежели простое сетование на то, что нужно делать и оставить лень; если нынешнее молодое поколение состарится, не утратив в себе тех благородных качеств, которые в нем пробуждаются, то многое и многое должно измениться».³

Служба, по-видимому, отнимала у Щеткина почти все свободное время, и он стал появляться у Майковых реже. То, что она занимала теперь все его существо, отмечали даже знакомые: «Что до друзей наших мужеского пола, — пишет в конце февраля или начале марта А. Н. Майкову Вл. Ап. Солоницын, — то и сии не более утешительны: прежние добрые качества их потонули в чернилах. Добренький и длинненький Яша ходит к нам не иначе, как <со> своим департа-

¹ Цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824).

² ИРЛИ. № 16984. Л. 1–2 об.

³ ИРЛИ. № 16994. Л. 35.

ментским портфелем, длинным и тощим сообразно его росту... Другие, прочие... Бог с ними...»¹

Творчество Щеткина этого периода его жизни нам неизвестно. Напомним, что последняя его публикация состоялась в феврале 1842 года. Правда, имя Якова Александровича было объявлено в числе сотрудников «Маяка» на 1843 год, но в самом журнале ни одно его произведение более не появилось (или он их не подписывал).

И вот в середине 1843 года тревожные предчувствия Щеткина сбылись: 14 июня он был «перемещен Счетным Чиновником при Члене в Комиссию уравниения денежных сборов с Государственных крестьян в Пензенской Губернии» и между 23 и 29 июня прибыл на службу в Пензу.² Далее мы можем только следовать за формулярным списком, ибо других источников информации о дальнейшей жизни Щеткина у нас, к сожалению, нет. Итак: «Назначен в таковую же должность в Комиссию уравниения денежных сборов с Государственных крестьян в Тульской губернии» — 1 мая 1844 года; «Перемещен к таковой же должности в Комиссию уравниения денежных сборов с Государственных крестьян в Курской Губернии» — 28 марта 1845 года. Тогда же Щеткин был произведен в коллежские секретари, а 28 апреля 1848 года «назначен Счетным Чиновником в Комиссию уравниения денежных сборов с Государственных крестьян в Московской Губернии». Наконец через год после пяти лет скитаний по провинциям он перебирается в одну из столиц: 1 мая 1849 года его назначают «исправляющим должность Младшего члена Комиссии для уравниения денежных сборов с Государственных крестьян в Московской Губернии», а еще через два месяца (24 июля) присваивают чин титулярного советника. В 1849-м же году его имя в первый раз попадает в «Адрес-календарь». Кроме

¹ ИРЛИ. № 17370. Л. 17 об. Письмо не подписано, дата на нем также не стоит. Атрибуцию и датировку (с цитатой другого фрагмента этого же письма) см.: *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. С. 22.

² Прибавление к Пензенским губернским ведомостям. 1843. № 28. С. 123. Справедливости ради стоит отметить, что информация о прибытии Щеткина в Пензу была повторена и в № 30 того же печатного органа, причем там он значился как приехавший «между 7 и 13 июля».

того, нам известно, что в 1850 году Щеткин гостил у своего брата в Рязани и был посаженным отцом его первой дочери Надежды, крещеной 26 апреля.¹ Согласно формулярному списку, на тот момент он был еще холост.

Как мы говорили выше, о провинциальных годах жизни Щеткина нам ничего не известно. Были ли они ознаменованы новыми стихотворениями, или канцелярская рутина полностью поглотила пыл и талант подававшего надежды юноши — едва ли мы об этом когда-нибудь узнаем. Нами были просмотрены подшивки неофициальных частей губернских ведомостей тех губерний, где служил Щеткин, в надежде найти его имя хотя бы под какой-нибудь статьей о себе картофеля или заметкой о местных обычаях — безрезультатно. Не отмечались и его дальнейшие перемещения; правда, скажем к слову, в Туле, например, местные губернские ведомости отмечали только прибытия и убытия чинов военных. Но, как оказалось, поэтическую деятельность Щеткин продолжал, или, по крайней мере, навык стихотворца не утратил: 14 апреля 1849 года он вписывает в альбом Людмилы Петровны Корсаковой, вероятно, дочери одного из издателей «Маяка», два стихотворения — «Пусть поет соловей...» и «Дума Петрарки»;² приведем первое, явно ориентированное на поэтику Кольцова:

Пусть поет соловей
 Перед зоренькой!
 Пусть с душистых ветвей
 Сыплет трель свою!
 Как хрусталь с серебром
 Звуки песни той;
 Все безмолвно кругом, —
 Все заслушались.
 Пой, певец соловей!
 Пред тобою я
 Бедной песней моей
 Не промолвлюся!

Но теперь мне привет
 Сказан девицей:

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 34. Ед. хр. 405. Л. 20.

² РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 1603. Л. 1–1 об.

«Спой и ты мне, поэт, —
Я послушаю!»
И коснусь лиры я
С душой сладкою; —
Я счастливей тебя
Голосистого!
Ты замолкни ж с своей
Песней милою!
Дай мне спеть, соловей,
Пред Людмилою.

Мы знаем и домашний адрес Щеткина в Москве: «...у Адриана и Натальи, в 3-й Мещанской, д. Граве».¹ Имя Якова Александровича отмечается на страницах «Адрес-календарей» на 1850 и 1851 годы... И вдруг — как будто обрыв. Имя нашего героя исчезает со страниц адрес-календарей, справочников, указателей... Щеткин ушел в тень, в небытие, и прояснить хоть как-то его судьбу оказалось не в наших силах.

Дабы завершить жизнеописание нашего героя, вернемся в прошлое, в 1829 год. Ровно через месяц после смерти Александра Васильевича Щеткина, отца братьев Якова и Сергея, ему жалуются орден св. Анны 3-й степени, дававший право на потомственное дворянство. В 1855 году Сергей Щеткин вспоминает об этом и пишет в Департамент Герольдии следующее прошение: «Просит Коллежский Секретарь Сергей, Александров сын, Щеткин <...>. По Всемилостивейше пожалованному отцу моему Титулярному Советнику Александру Васильевичу Щеткинцу в 21 день Августа 1829 года Ордену Святыя Анны 3-й степени, после его смерти бывшей Капитулу Российских Орденов еще не известной, я <...> с братом моим родным Титулярным Советником Яковом Александровичем Щеткиным считаем себя в потомственном дворянском достоинстве...»² Пршение это не датировано, но на нём есть канцелярская помета: «Получено 5 Августа 1855 г.» Это последнее по времени упоминание о Якове Александровиче Щеткине, которое нам известно, ибо ответ

¹ *Нистрем К. М.* Адрес-календарь жителей Москвы. 1851. М., 1851. Ч. 1: Календарь чиновников служащих. С. 57.

² РГИА. Ф. 1343. Оп. 34. Ед. хр. 405. Л. 1–1 об.

из Сената Сергею пришел положительный, а о Якове говорилось: «...что же касается до родного брата его Титулярного советника Якова Александровича Щеткина, то как нынешним просителем не представлено доверенности от него для хождения по делу о признании его в дворянстве и сам он об этом не просит, Правительствующий Сенат, ныне не может постановить заключения о правах его на потомственное дворянство, о чем для объявления просителю, Коллежскому секретарю Сергею Александрову Щеткину, по жительству его <...> послан указ».¹

Где умер Щеткин, когда это произошло — остается только гадать. А пока можно только признать свое поражение, отговариваясь тем, что, как правило, дата смерти устанавливается гораздо сложнее, чем дата рождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Алексеев А. Д.* Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.; Л., 1960.
2. *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1978. Т. 3.
3. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 1.
4. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2016. Т. 15.
5. *Григорьев В. В.* Императорский С.-Петербургский университет в первое пятидесятилетие своего существования. СПб., 1870.
6. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
7. *Златковский М. Л.* Аполлон Николаевич Майков. 1821—1897: Биогр. очерк. 2-е изд., значит. доп. СПб., 1898.
8. Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ. 1837—1887. СПб., 1888. Ч. 1.
9. *Круглый А. О., Курганович А. В.* Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии. СПб., 1894. Ч. 2 (1831—1880 г.).
10. Литературное наследство. М., 2000. Т. 102.
11. *Ляцкий Е. А.* Роман и жизнь: Развитие творческой личности И. А. Гончарова. Жизнь и быт. Прага, 1925.
12. *Майков А. Н.* Путевой дневник 1842—1843 гг. Итальянская проза / Сост., подг. текстов, статьи и комм. О. В. Седелниковой. СПб., 2013.

¹ Там же. Л. 10 об. — 11.

-
13. *Майков А. Н.* Соч.: В 2 т. / Сост. и подг. текста Л. С. Гейро. М., 1984. Т. 2.
 14. [*Майков Л. Н.*] Валериан Николаевич Майков: Материалы для его биографии и литературной характеристики // Пантеон литературы. 1890. № 11–12.
 15. *Нистрем К. М.* Адрес-календарь жителей Москвы. 1851. М., 1851. Ч. 1: Календарь чиновников служащих.
 16. *А. Ч.* [*Чумиков А. А.*] Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. № 9.
 17. Указатель статей, помещенных в «Маяке», и фамилии гг. сотрудников за пять лет. СПб., 1844.